



УДК 316:303

© *О. Г. Огий, 2010***БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Огий О. Г. – канд. социол. наук, доц. каф. «Менеджмент», e-mail: yldus78@mail.ru (КамчатГТУ)

В статье рассматривается проблема становления социологии безопасности в контексте острых социальных проблем современности. Рассматривается гуманитарный подход к безопасности, уточняется ее социальное содержание и определение. Целью работы является поиск проблемной области, определение уровней и предметного поля социологии безопасности.

In the article the formation problem of the sociology of security in the context of sharp social problems of the present is considered. The humanitarian approach to security is examined, its social content and definition is specified. The goals of this paper are search of a problem area, definition of levels and a subject field of the sociology of security.

Ключевые слова: безопасность, гуманитарный подход, социальная безопасность, проблемная область, социология безопасности, предмет исследования.

Сегодня проблемы безопасности актуализируются в контексте нескольких «проблем-причин». Первая представляет проблему возрастающей опасности для человечества бурного и противоречивого развития техносферы. Наряду с величайшими достижениями в науке и технике во всем мире происходят экологические и техногенные катастрофы. Вторая причина обусловлена ростом внимания к феномену глобализации, в большей степени экономической, вызванной процессами интернационализации экономики, формированием мировых рынков, усилением зависимости национальных экономик от мирового хозяйства и деятельности транснациональных бизнес-структур. Достаточно сильный стимулирующий эффект в поисках «безопасного» производят кризисы в финансовой и экономической сферах, которые, зарождаясь и разворачиваясь в границах национальной экономики, обладают потенциалом «заражения» планетарного масштаба через экономические каналы глобализации. В-третьих, нависшая над «каждым и всеми» угроза экстремизма и терроризма заставляет искать адекватные меры обеспечения не только национальной безопасности, но и безопасности каждого отдельного человека.

Качественно новые вызовы, с которыми столкнулось в последние десяти-

тилетия человечество, требуют от исследователей принципиального пересмотра категориального аппарата и методологической базы.

Институционализация гуманитарного подхода к безопасности. Конец XX–начало XXI века. были отмечены окончательным переходом от исключительно техносферного понимания безопасности к более широкому пониманию: «безопасности с человеческим лицом». В. Н. Кузнецов в [1], рассматривая тенденции трансформации глобальной безопасности, акцентирует внимание на сложившийся в 2000–2007 гг. «глобальный специфический научный дискурс по проблемам безопасности». Попытаемся ответить, прежде всего, на актуальный как для научных исследований, так и для практики обеспечения безопасности вопрос: в чем же специфика этого научного дискурса, и каковы место и роль социологии в нем?

Наиболее существенной, определяющей характеристикой этого процесса служит то, что происходит он в духе нарастающей мегатенденции в развитии общественных наук – институционализации гуманитарного, «человекоцентрического» понимания безопасности как актуальнейшей проблемы современности и будущего.

Усиление факторов социальности и социетальности в техническом прогрессе цивилизации и общественной обусловленности современных катастроф убедительно доказывает Р. Г. Яновский [2, 3]: «Особенность первых лет XXI века заключается в том, что миллионы людей лично и убедительно воспринимают реальность. Суть этого – никто не сможет повлиять, даже если очень захочет, на значительное улучшение качества жизни. Такая тенденция возможна лишь при активном участии самого человека». В. К. Левашов, рассматривая роль природных, экологических, технологических и социальных катастроф в глобальных процессах обеспечения социальной безопасности, указывает на их антропо- и социальную детерминированность [4]. Рассматривая феномен и современные реалии безопасности «в переплетении политических и военных элементов в современных военно-политических кампаниях», А. Полтораков [5] актуализирует проблемы «гуманизации политики и гуманитаризации безопасности».

Таким образом, по мнению многих обществоведов, понятие риска, безопасности, опасности, страха – одни из главных аналитических конструктов социального знания, важных для понимания современности. Методологически это выражается в формировании парадигмы гуманитарной безопасности, которая стала собирательным конструктом размышлений о проблематике безопасности в основном в социально-философском контексте с явным доминированием аксиологического подхода.

Об институционализации гуманитарной безопасности свидетельствует и процесс развития специализированных институтов. В первую очередь, следует отметить принятие на саммите ОБСЕ 19 ноября 1999 года Хартии европейской безопасности. Ее роль трудно переоценить, поскольку с принятием и обнародованием Хартии основное внимание во всех вариантах, последовавших за ней, новых стратегий, концепций, законов, программ по обеспечению



нию безопасности, обращено на необходимость смещения акцентов с безопасности государства на безопасность человека, а также закрепилось понимание того, что национальной безопасности недостаточно для гарантии безопасности человека. Также институциональным проявлением гуманитаризации стало создание ООН независимой Комиссии по безопасности человека (2001). Значимыми являются итоги работы Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и изменениям, которая была создана при ООН в декабре 2003 г. Результатом работы этой структуры стал доклад «Более безопасный мир: наша общая ответственность», который также вывел гуманитарную безопасность в число самых приоритетных составляющих [6].

Таким образом, с середины прошлого века по настоящее время наука безопасности постепенно шла по направлению «к человеку» и комплексное «человекоцентрическое» рассмотрение безопасности становится распространенной научной практикой. Содержательная же нагрузка термина «гуманитарный» относительно безопасности в подавляющем большинстве научных работ связана в основном с использованием конструкта «личность – общество – государство», и употребляется как базовое понятие междисциплинарного характера.

Проблема определения и диалектика безопасности. Логика научных исследований диктует необходимость движения от проблемной области через формулирование проблемы (или нескольких ключевых проблем) в соответствии с научной методологией к определению предмета исследования. В вопросе определения предмета социологии безопасности трудности возникают на всех вышеозначенных этапах.

В то же время анализ научной литературы показывает, что недостаточно изучен, прежде всего, собственно феномен безопасности. До сих пор преобладают фрагментарность, выборочный подход к отдельным аспектам этой проблемы. Отсутствуют общепринятые понятия, что приводит к полисемии и непониманию представителями разных направлений исследования феномена безопасности [7].

Трудности понимания и определения безопасности детерминированы, по меньшей мере, двумя принципиальными обстоятельствами. Во-первых, в структуре безопасности доминирует субъективная эмоционально-оценочная компонента. В связи с этим акцент в проблеме изучения и обеспечения безопасности смещается в сторону «ощущения безопасности», «состояния защищенности» и т. п. При этом «защитная» трактовка безопасности используется практически во всех основных документах по обеспечению безопасности в России – в Законе РФ «О безопасности» (1992), Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (1996), Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (2000), Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (2009) и др. В этих документах обеспечение безопасности заведомо ограничено схемой: «опасность – ответ, угроза – ответ». В. Лепский в [8] также отмечает фокусирование внимания на состоянии защищенности от угроз, называя это «окопной логикой».

Во-вторых, безопасность – явление, производное от опасности, что этимологически отражено в самом термине. Феномен безопасности невозможно рассматривать в отрыве от его противоположности – опасности. Диалектически дихотомия «опасность – безопасность» является взаимообусловленной и взаимодополняющей.

В отечественной науке понятие «опасность» используется и раскрывается крайне мало, и в основном трактуется как возможность негативного воздействия на состояние и жизнедеятельность людей, одна из степеней угрозы, возможность наступления негативных явлений, наличие и действие деструктивных и дестабилизирующих факторов. С позиции полипарадигмального подхода такое положение дел представляется вполне приемлемым, во всяком случае, закономерным. Однако как только возникает задача обеспечения безопасности конкретной области или объекта, теории и практики наталкиваются на барьеры «определения опасности», разграничения понятий «опасность», «риск», «угроза», и зачастую используют эти понятия если не как тождественные, то как взаимозаменяющие. То есть движение от проблемы к предмету исследования заведомо начинается в условиях неопределенности в самой проблемной области, на деле это проявляется в отсутствии обоснованного и разделяемого в научных кругах предмета безопасности.

Анализируя научные работы, материалы конгрессов, конференций, можно выделить несколько наиболее распространенных и закрепившихся трактовок «безопасности»:

- 1) состояние, когда нет факторов и условий (рисков), угрожающих существованию какого-либо объекта, т. е. нет опасности;
- 2) состояние или условия жизнедеятельности, обеспечивающее устойчивое развитие социума;
- 3) безопасность характеризуется как стабильность и неизменность системообразующих свойств какого-либо объекта;
- 4) состояние защищенности объекта.

Автор разделяет мнение Г. В. Иващенко, отраженное в докладе на II Всероссийском Социологическом конгрессе. «На самом же деле, – отмечает он, – безопасность не есть ни защищенность, ни состояние защищенности. Более того, она вообще не есть чье бы то ни было и какое бы то ни было состояние» [9]. Хотя далее докладчик определяет безопасность как «условия существования субъекта, контролируемые им», что также, на наш взгляд, неточно определяет суть безопасности, ее значимости как социального явления. Создавая безопасные условия для себя, или «подчиненные себе», субъект может явно или латентно, реально или потенциально быть опасным для других субъектов.

В. Гейзен на I Всемирном конгрессе «Наука безопасности» сформулировал определение науки безопасности так: «Наука безопасности изучает взаимодействие между человеком, технологией и окружающей средой и нацелена на создание уравновешенного симбиоза этих трех элементов» [10]. Важным акцентом в этом определении является «*взаимодействие* с технологией и ок-



ружающей средой», центром которого, по мнению автора, выступает деятельность человека (ни состояние, ни условия). В подтверждение авторской позиции приведем слова В. Н. Кузнецова: «Безопасность человека начинается с понимания исходного факта – сам человек – активный участник обеспечения своей безопасности и безопасности других людей» [1].

Принимая во внимание достижения гуманитарной концепции безопасности, представляется достаточно обоснованным следующее определение: *«Безопасность – это свойство деятельности человека по созданию естественной и (или) искусственной среды обитания и жизненно важных условий самосохранения и саморазвития».*

С этой позиции «среда» и «условия» могут быть опасными / безопасными, но зависит это от деятельности человека, в том числе проявляется в поведении как форме отражения восприятия угроз, рисков и опасностей. Акцент в этом случае переносится с искомого многими авторами «состояния защищенности» статичных интересов личности в сторону превентивности и предотвращения, основанных на ментально, социокультурно и интеллектуально подготовленной деятельности. Это определение представляется достаточно перспективной основой для дальнейшего уточнения проблемной области и предмета социологии безопасности.

Проблемная область социологии безопасности. В самом общем виде проблемную область социологии безопасности можно определить через актуализацию опасностей неустойчивого современного мира. Обобщая работы отечественных и зарубежных социологов и философов, направленные на поиск адекватных современным реалиям теорий социальных изменений и развития, связанные в основном с описанием складывающихся общественных формаций («постиндустриальное общество» – Д. Белл, «супериндустриальное общество» – Е. Тоффлер, «постэкономическое общество» – В. Иноземцев, «общество риска» – У. Бек, Э. Гидденс, «модернити и постмодернити» – А. Тойнби, Т. Адорно, Ж.-Ф. Лиотар, З. Бауман, Э. Гидденс и др.), с акцентуацией на всеобъемлющее влияние глобализации («открытое общество» – К. Поппер, «сетевое общество» – Г. Кастельс, В. Радаев, «информационное общество» – П. Химанен, М. Порат, Й. Масуда и др., «технотронное» – З. Бжезинский) можно выделить корпус «опасных» явлений, процессов, актуальных для развития теории и эмпирики социологии безопасности:

1. *Дисхронизм социального пространства* как нарушение восприятия времени, формирование и смешение разных темпомиров. «Человеческие сообщества, особенно в наше время, имеют свои, существенно более короткие временные масштабы... С увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль стрелы времени, эволюционных ритмов возрастает» [11]. «Мы также знаем, что различные слои одного и того же общества показывают различные темпы перемен», – пишет А. Тоффлер [12], называя временной феномен современного развития «футурошоком» – продуктом стремительного темпа перемен в обществе, возникающим из-за наложения новой культуры на старую. «Чтобы понять, что нас ждет в эпоху

постиндустриального общества, мы должны проанализировать процессы ускорения и вникнуть в теорию быстротечности».

2. *Рискогенность и кризисность современного общественного развития.* Стал утверждаться и новый социальный порядок, характерными чертами которого являются неопределенность и хаос. Повсеместно, причем все более и более масштабно, возникают прерывистости, разрывы, случайности, парадоксы общественной жизни [11]. Кризисность является неотъемлемым признаком современного трансформационного процесса. Современному обществу более свойственно стремление к новому, неизведанному, и оно меньше рефлексировать по поводу возможных последствий, а потому смелее идет на риск. Не случайно «профиль риска» (Э. Гидденс) в моделях политического, экономического и т. п. поведения становится сегодня системной характеристикой [5]. Так, Р. Хольтон в [13] утверждает, что сегодня мы сталкиваемся с явлением «нормализации кризиса», отмечая при этом активную реакцию «социальной мысли» в форме «одержимости идеей кризиса».

3. *Разрушение национально-государственного и формирование нового социального пространства.* Постепенное размывание социальных границ национальных государств, отмеченных в «Постнациональной констелляции» Ю. Хабермаса, и возникновение различных форм неравенства достаточно подробно анализирует в своих работах У. Бек. «Национальный взгляд разрушается в той мере, в какой растут мобильность коммуникации, информации, денежных потоков, рисков, продуктов...», – пишет он, – «вместе с глобализацией возникло новое пространство и новые рамки действия: политика вышла за пределы государств и границ, вследствие чего появились дополнительные игроки, новые роли, новые ресурсы, незнакомые правила, новые противоречия и конфликты» [14].

Что приходит на смену привычной для нас национально-территориальной организации пространства? Множество локальных сообществ, неравномерно включенных в сетевые системы. Так, В. А. Ядов в [15] отмечает в качестве особенности российских реалий «анклавизацию страны», а мировое пространство он определяет как «гло-локал-анклавное».

Тем самым, изучение феномена глобализации открывает опасность развития новых форм неравенства в трудно контролируемом сетевом пространстве, которое оказывается одновременно глобальным, индивидуальным и локальным. В результате происходит деление на тех, кто выигрывает от глобализации, и на тех, кто оказывается в проигрыше.

В условиях, которые У. Бек описал в концептах «организованной безответственности» и «рукотворной неопределенности», национальные и региональные системы безопасности оказываются неэффективными.

4. *Формирование «опасных» и «защитных» мотивационных паттернов индивидуального и группового поведения.* Широкий спектр опасностей порождает социальная среда, в которой протекает повседневная жизнь каждого человека. Сегодня человек может стать жертвой недобросовестных чиновников, авантюристов, мошенников, распространения заведомо ложной или не



полной информации по каналам социальной коммуникации. Человек, группа и большие массы людей становятся объектами манипуляции со стороны политических партий, групп лоббистов, средств массовой информации. Проблема усугубляется тем, что подобные ситуации становятся нормой повседневности. Поэтому создается парадоксальная ситуация, когда человек, являясь частью огромного коммуникационного, технологичного глобального пространства, остается один на один с проблемами собственной безопасности.

Другим важным аспектом данной проблемной области являются неравномерности, диспропорции и неравенства в социальной, экономической, политической сферах, вызванные функционированием «клубного» и «паутинообразного» механизма концентрации ресурсов, которую большинство людей воспринимают как «несправедливую». Все это приводит к формированию определенных поведенческих паттернов, которые по природе своей являются «защитными» (рост недоверия, агрессивности, преступности, суицидального поведения, алкоголизма и наркомании, распространение различных фобий и т. д.), но «опасными» для развития социума, т. е. в контексте безопасного развития.

5. Проблема нелинейности и радикализации социокультурных изменений

Профессор С. А. Кравченко в ряде своих работ, посвященных социокультурной динамике, достаточно отчетливо обозначает явные и латентные последствия, вызванные движением к большей открытости социума. Так, в [16] он пишет: «Социальные системы на всех уровнях проявляют все большую открытость. Их границы утрачивают охранительные функции, становятся все более и более проницаемыми для "переливов" капитала, технологий, продукции, человеческих ресурсов, культурных образцов и практик, независимо от их полезности или опасности для реципиентов».

Таким образом, и микро- (повседневность, жизненный мир) и макро- (мультикультура) уровни современной социокультурной реальности представляют собой множество противоречивых и конфликтующих пространств, провоцируя нарастание угрозы девальвации духовных ценностей, усиления социальной напряженности, возникновения разрывов в ключевых системах социальных отношений. В подтверждение этому выводу приведем слова профессора В. А. Шагеновича [17]: «в ценностно-нормативном плане социальное пространство России отличается множественностью конкурирующих мировоззренческих парадигм, где существует опасность утери социальной идентичности России, и где многонациональная культура будет носить не интегрирующий характер, а этнографический характер... эффект "мультикультурности" лишает общество его определенной устойчивости через разрушения определенных связей и отношений, возникновение различных идентичностей».

В результате в научном плане мы имеем ситуацию, когда «диагноз» еще не поставлен, но есть значительные результаты в выявлении и описании социальной «симптоматики». Это «играизация» в работах С. А. Кравченко, «кентавр-проблемы» у Ж. Т. Тошенко, «общество отчуждения» А. Турена,

«нарастание риска и его критический случай» О. Н. Яницкого, «нормальные аварии» Ч. Перроу и др.

Предметное поле и уровни социологии безопасности. Сложность происходящих изменений в общественном развитии, нарастающая рискогенность социального пространства требуют продуктивного продвижения к созданию адекватной теории с выраженной прогностической ориентацией. Первые шаги такого продвижения уже сделаны в ходе формирования парадигмы гуманитарной безопасности. Далее заданный вектор необходимо удержать в направлении теоретического и методологического развития социологии безопасности. В этой связи важной задачей, требующей решения, видится определение предмета социологии безопасности и содержательное уточнение области исследований.

Рассматривая предметную область социологии безопасности, необходимо сохранять акцентуацию на социальной природе возникновения опасностей и угроз. В этом контексте весьма продуктивными, с точки зрения функций прогнозирования и предотвращения, могут стать исследования социальной жизни на основе концепции жизненного мира (Дж. Г. Мид, И. Гофман, Г. Гарфинкель, А. Турен, Ю. Хабермас). Исходя из этого, доминантами предметной области станут социальные действия и социальное поведение в дихотомии опасное/безопасное (реально и потенциально, явно и латентно). Уместно вспомнить типы преодоления риска и нестабильности, изложенные Э. Гидденсом в [18]:

- 1) сосредоточенность на повседневных занятиях и сознательное блокирование тревожности;
- 2) оптимизм в преодолении опасностей;
- 3) последовательная борьба против выявленных источников опасности.

Отталкиваясь от основного принципа теории жизненного мира, о том, что социальные практики детерминированы восприятием социальной реальности людьми, открываем значительный потенциал в изучении безопасности. Ответив на вопрос, «каково восприятие опасностей и угроз социальными акторами?», можем оценить (предвидеть) потенциал опасности/безопасности их деятельностной активности. Эта область исследований, по мнению автора, может составить *микроуровень социологии безопасности*, где объектами исследования могут выступать индивид, семья, домохозяйство, социальная группа.

Вместе с тем, социальная жизнь в полной мере протекает тогда, когда на уровне общества ставятся цели, направленные на сохранение, воспроизводство и развитие индивидов. Наличие автономии «социальной жизни» по отношению к жизни политической, экономической, духовно-идеологической, отмечает В. Я. Фетисов в [19]. В этой связи актуальным становится восхождение от микро- к макроуровню социологии безопасности через определение предметного поля на *мезоуровне*. Объектную основу этого уровня составляют социальные общности, в том понимании, которое отразил В. А. Ядов [20], т. е. учитывающие субъектно-деятельностную компоненту социального и



всеобщие формы социальной организации: культуру (системы ценностей, норм, образцов поведения и взаимосвязей в социальных общностях); социальные институты; социальную структуру как упорядоченную систему общественного разделения труда в сфере производства, и связанную с этим систему отношений собственности, власти и управления, прав и обязанностей, образующих социальные общности индивидов; структуру социальных функций и ролевых предписаний в той же мере, как социорольевых ожиданий, фиксируемых в культуре и субкультурах социальных общностей.

На этом уровне исследований мы поднимаемся от безопасности жизненного мира к системной безопасности, и рассматриваем деятельность и систему отношений социальных агентов, обладающих определенными, значимыми для развития социума, ресурсами. Перспективной теоретической основой изучения деятельности и отношений внутри и между социальными общностями представляется сетевой подход, а также некоторые базовые принципы социологии управления. В этом контексте предметное поле мезоуровня социологии безопасности составит деятельность по воспроизводству среды обитания и жизненно важных условий самосохранения и саморазвития таких социальных общностей, как территориальные сообщества, регионы, массовые общности, социальные движения, представители национальной и региональной элиты, государственного аппарата, бизнес-сообществ. Доминантными видами безопасности, изучаемыми на этом уровне, могут стать уже разрабатываемые направления: субрегиональной и региональной безопасности, национальной безопасности, но с изменением содержательной нагрузки – с акцентом на деятельность, поведение и формы отношений вышеозначенных социальных агентов.

В конечном счете, безопасность на уровне национальных (общественных) и региональных систем определенным образом формирует безопасность глобальной системы («ноосферы» В. И. Вернадского, «космополитического пространства» У. Бека, «глобальной безопасности» А. Д. Урсула), которая представляет *макроуровень социологии безопасности*.

Объектами исследований на этом уровне могут стать транснациональные социальные агенты и мультикультурный социум. Предметное поле могут составить вопросы опасности/безопасности синергетического эффекта деятельности транснациональных социальных агентов и обществ, а также способность различных идентичностей безопасно сосуществовать.

Не менее важной проблемой социологии безопасности, наряду с рассмотренными, выступает проблема обеспечения и управления безопасностью, как важнейшим системообразующим свойством социального пространства и жизнедеятельности социума.

В этом направлении открываются не менее значимые и в то же время трудноразрешимые задачи для теоретико-прикладных социологических исследований. С учетом противоречивости, иногда парадоксальности, нелинейности, остроты социальных процессов и «запаздыванием научной поддержки обществу», уже сегодня требуется идти дальше – концентрировать усилия

для получения достоверных и общезначимых результатов в новоактуальных вопросах формирования культуры безопасного управления, ментальной и интеллектуальной защищенности, развития ценностной и мировоззренческой составляющих социальной безопасности.

Библиографические ссылки

1. Кузнецов В. Н. Социология безопасности. – М., 2007.
2. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. – М., 1999.
3. Яновский Р. Г. Доклад на заседании Ученого Совета ИСПИ РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ispr.ru/Confer/DuhNrav/yanovsky_051116.html
4. Левашов В. К. Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. – 2002. – № 3.
5. Полтораков А. Новые реалии безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.flot2017.com/show/analytics/18182>.
6. Безопасность человека сегодня. – Нью-Йорк, 2003.
7. Атаманов Г. А. Рогачев А. Ф. О необходимости новых подходов к исследованию феномена экономической безопасности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2009. – № 1 (71).
8. Лепский В. Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. – 2008. – № 2.
9. Иващенко Г. В. Какие теоретические основы необходимы Концепции национальной безопасности России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---0kongress>.
10. Geysen W. J. The Structure of Safety Science: Definitions, Goals and Instruments // 1st World Congress on Safety Science: Living in Safety. Teil 1. Koln, 1990.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 1986.
12. Тоффлер А. Футуришок / Пер. с англ. – СПб, 1997.
13. Holton R. Problems of Crisis and Normalcy in the Contemporary World // Re-thinking Progress. Boston, 1990.
14. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. / Пер. с нем. – М., 2007.
15. Ядов В. А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. – М.: Academia, 2002.
16. Кравченко С. А., Романов В. Л. Социология и вызовы современной социокультурной динамики // Социологические исследования. – 2004. – № 8.
17. Шагенович В. А. Философия безопасности в контексте гуманитарного миропонимания глобальных проблем // Глобализация и социальные изменения: Материалы научной конференции, 2006.
18. Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.
19. Фетисов В. Я. Социальная жизнь как предмет исследования социологии // Социологические исследования. – 2007. – № 6.
20. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / 7-е изд. – М., 2003.